

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы поклоняемся идолам / Пер.И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1903. Т. 1. № 4. С. 305–320 (2-я пагин.). (Продолжение.)

клонствомъ и усвоивъ другимъ и себѣ такое (богохульное) мнѣніе. И какъ не устрашились и не содрогнулись въ душѣ эти безразсудные противники столь яснымъ и недвусмысленнымъ (изреченіямъ)? Какъ осмѣлились они съ безстыднымъ лицомъ и омраченнымъ сердцемъ возстать противъ славы Спасителя? И откуда такая смѣлость у приверженцевъ этого богоненавистнаго и нелѣпаго ученія? Если бы пророческое слово провозглашало просто только власть и царство Бога всяческихъ безъ ближайшаго опредѣленія, то они тѣмъ яростнѣе и смѣлѣе вооружились бы на приѣмлющихъ православные догматы христіанства, коварно выставляя противъ нихъ свои пустыя и неразумныя рѣчи, и, подобно идущимъ на ловитву, привязавшись къ неопредѣленности выраженія, признали бы царство Христа измѣримымъ и ограниченнымъ. Но такъ какъ къ слову *царство* прибавлено *вѣчное* и *не разрушимое* и что оно *не преидетъ*, то развѣ этимъ не налагается узда на ихъ необузданный языкъ, дабы *заградилась всякія уста, глаголющія неправедная* противъ Царя вѣковъ? Тотъ, кто царствуетъ отъ вѣка и до вѣка и всегда, не можетъ быть лишень власти и славы, и никогда люди, подчиненные Ему и познавшіе Его, не перейдутъ къ другому Царю. И тотъ, къ какому они могли бы перейти, не есть и отнюдь не будетъ лучше. И такъ какъ Онъ не подчиненъ тиранніи, не ограбленъ и не отторженъ отъ власти, то посему никто изъ подвластныхъ Ему къ идоламъ не приступаетъ и почестей демону не воздаетъ, ибо *всѣ они Спасителя всѣхъ насъ признаютъ Богомъ и Господомъ всяческихъ, и Ему поклоняются: Ему всяко колѣно поклонится небсныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца, Аминь* (Филип. 2, 10). Итакъ, и

отсюда явствуетъ, что христорборцы говорятъ отъ противнаго духа, такъ какъ изрекають противоположное и противорѣчащее реченіямъ Божественнаго Духа.

59. Пусть поразмыслятъ эти своевольники и о томъ, что имя *царь* принадлежитъ не къ числу словъ, употребляемыхъ просто и безотносительно, а къ числу такихъ, которыя берутся въ отношеніи къ чему-нибудь и въ соединеніи съ чѣмъ-либо. Нельзя представить царя безъ тѣхъ, надъ кѣмъ онъ царствуетъ. Нѣтъ начальника безъ тѣхъ, надъ коими начальствуютъ. Необходимо при употребленіи одного изъ этихъ понятій подразумѣвать и другое, равно какъ и устраненіе одного требуетъ устраненія другого. При такомъ взаимоотношеніи этихъ именъ они оказываются соединенными и связанными другъ съ другомъ такъ, что ни это безъ того не мыслимо, ни то безъ этого не можетъ быть. Итакъ, если истинны богооткровенія, бывшія отъ Святаго Духа святымъ пророкамъ, а они конечно истинны, то Христось Богъ нашъ, называемый въ нихъ Царемъ, есть Царь надъ кѣмъ-либо, и конечно надъ тѣми, которые находятся подъ царственною властію Его. Какъ Богъ и Создатель всяческихъ, Онъ есть Царь всѣхъ, ибо Онъ царствуетъ въ державѣ Своей вѣчной и всѣ суть слуги Его, и *царство Его царство всѣхъ вѣковъ, и владычество Его во всякомъ родѣ и родѣ* (Пс. 144, 13). А такъ какъ мы вѣримъ въ Него и признаемъ Его, держась истиннаго исповѣданія Его, то Онъ есть Царь надъ нами христіанами, ибо мы—народъ избранный, царское священство (Тит. 2, 14; 1 Петр. 2, 9), наслѣдіе вѣчное и, говоря кратко, стяжаніе Его изрядное и исключительно Ему принадлежащее. Таково благодатію Божіею положеніе насъ православныхъ. И благовременно и надлежащимъ образомъ пользуясь отно-

сящимися сюда божественными откровениями, мы найдемъ въ нихъ *толкъ облакъ свидѣтелей* (Евр. 12, 1) во всѣхъ отношеніяхъ достовѣрный и надежный, такъ что для насъ, любящихъ истину, просвѣщенныхъ духомъ Святымъ и руководимыхъ Его дарами, согласіе нашихъ священныхъ и богодухновенныхъ догматовъ звучитъ стройно, гармонично и музыкально и торжествуетъ надъ неразуміемъ, глупостію и непристойностью ихъ лживой болтовни, какъ внушеніемъ отступнической (антихристовой) силы и порожденіемъ беззаконныхъ и нечестивыхъ мыслей,—и какъ бы начертаннымъ на столбѣ выставляетъ ихъ нечестіе. Такъ наконецъ отовсюду изобличаемые, они, какъ водимые духомъ заблужденія, да будутъ отгнаны отъ божественнаго сонма и двора нашего христіанскаго.

Но такъ какъ зло неустанно и неудержимо, то оно не можетъ никогда остановиться само по себѣ, а всегда идетъ впередъ и не обрѣтаетъ остановки своего движенія, подобно бушующему рѣчному потоку, который, выступивъ изъ береговъ, если попадетъ на какое либо покатое и крутое мѣсто, уже ничто не можетъ сдержать сильной стремительности его теченія, такъ что онъ легко низвергаетъ все попадающееся на пути и уноситъ съ собою. Такимъ образомъ, когда оно войдетъ въ души, разъ отрeksiаяся отъ общенія съ добромъ, оно не прежде прекратитъ истребленіе и уничтоженіе, пока не достигнетъ послѣднихъ предѣловъ гибели. Нѣчто подобное случилось и здѣсь. Весьма быстро распространяясь, зло поразило души этихъ нечестивцевъ и привело ихъ къ пропасти невѣрія и отчужденія отъ Бога. Изощривъ коварные языки свои прежде всего противъ Христа, они не знаютъ насыщенія своей дерзости къ Нему, не перестаютъ клеветать на христіанскую религію, а

напротивъ постоянно умножаютъ зло, такъ что послѣдующее становится хуже предшествовавшаго, сочиняютъ много клеветы противъ одушевленныхъ храмовъ Духа. Но не останавливаются и на этомъ, а простираютъ свои нечестивыя руки и противъ неодушевленныхъ божественныхъ храмовъ. По истинѣ они являютъ, что души ихъ суть храмы бѣсовъ, если думаютъ, что къ идоламъ надо приступать, какъ къ Богамъ. Такимъ образомъ они и здѣсь даютъ доказательство своего отчужденія отъ праваго ученія, ибо нѣтъ общенія свѣта со тьмою и соединенія храма Божія съ идолами, такъ что не въ словахъ только обнаруживается хула ихъ, но злодѣйство ихъ выступаетъ уже и на дѣлѣ, и безславіе ихъ не только раздается въ ушахъ, но и выставляется на видъ предъ глазами всѣхъ.

60. Итакъ, развѣ не отрицаютъ и не обвиняютъ они божественную и неизреченную славу и силу,—развѣ не поносятъ ученіе боговдохновенныхъ мужей и богослововъ? Но въ то же время развѣ дѣлаютъ они менѣе того, что пустословятъ,—развѣ уклоняются выказать поступки, равные ихъ богохульству или даже превосходящіе его? Нисколько. Напротивъ, мы видимъ теперь умножающимся и возрастающимъ то, чего древле, какъ извѣстно, не могъ и въ чемъ былъ побѣжденъ отецъ лжи—дѣволъ. Прежде онъ воздвигалъ нечестивыхъ поднимать противъ церкви только словесную брань и сплеталъ множество ересей среди христіанъ, а теперь не только словами, но и добавляя то, чего не доставало, — посредствомъ дѣяній безчинствуетъ противъ божественныхъ храмовъ и прочихъ священныхъ мѣстъ, стремясь уничтожить ихъ красоту и благолѣпіе, дабы злодѣйство ихъ было засвидѣтельствовано и тѣми и другими (словами и

дѣлами). Они, проклятые, неистовствуютъ противъ священныхъ и божественныхъ образовъ и символовъ спасительнаго домостроительства и воплощенія Бога слова, — стараются обезобразить украшенія священныхъ храмовъ и уничтожаютъ рисунки священныхъ повѣствованій, безразсудно соскабливая честныя изображенія. О, безуміе! О, дерзость и безстыдство! Все, надъ чѣмъ трудились благочестивѣйшіе и боголюбивѣйшіе изъ христіанъ, высшіе іереи, цари, всѣ знатные и прочіе усерднѣйшіе радѣтели благочестія, воспламеняемые горячею любовью и теплою вѣрою во Христа и святыхъ, и что украсили рисунками изъ священной исторіи, — священные и божественныя изображенія, которыя они начертали въ воздвигнутыхъ ими Богу всяческихъ храмахъ, насколько это соотвѣтствовало предмету каждаго изображенія, — эти несчастные не устрашились низвергнуть и насмѣяться. Иной не повѣрилъ бы, что они мыслятъ такъ преступно и безбожно и досадовалъ бы на горечь и тяжесть нашего обвиненія, если бы самолично не видѣлъ ихъ на дѣлѣ совершающими это. Такимъ образомъ въ подтвержденіе безбожности своихъ словъ они имѣютъ незаконіе своихъ дѣйствій. Послѣ этого развѣ они не оказываются дѣйствительными идолопоклонниками? Они такъ безстыдно неистовствуютъ противъ храмовъ Божіихъ, какъ будто они посвящены и принадлежатъ къ другой религіи, а какова она, это они должны знать. Какъ заставляеть заключать послѣдовательность, они отвергаютъ Господа нашего Иисуса Христа, Бога всяческихъ, и потому напрасно удерживаютъ имя христіанъ, ибо они опираются на ложномъ основаніи, и усвоая себѣ и украшаясь пустымъ названіемъ, они обладаютъ только формою звуковъ, отрицая выражаемое ими значеніе. Посредствомъ дѣлѣ

своихъ они являютъ себя чуждыми и непричастными (обозначаемому названіемъ) предмету. Но беззаконіе ихъ и еще болѣе умножится, какъ это должно слѣдовать изъ самаго предпріятія ихъ.

61. Такъ какъ на священныхъ иконахъ пишется изображеніе животворящаго креста, то притворяющіеся въ этомъ случаѣ и утверждающіе, что они принимаютъ крестъ, уничтожаютъ также и его, потому что неистовство ихъ въ сущности одинаково направляется противъ обоихъ (противъ изображенія креста и противъ самого креста). И зачѣмъ они представляются, что ненавидятъ одно, когда и то и другое оказывается освященнымъ отъ Одного и Того же? Точно также они относятся и къ священнымъ сосудамъ, въ которыхъ совершаются святыя и животворящія тайны Христовы,—зачѣмъ къ одеждамъ, которыя украшены честными изображеніями, и, наконецъ, къ поклоняемымъ крышкамъ евангельскихъ книгъ, и такимъ путемъ разрушаютъ и само евангеліе. Въ самомъ дѣлѣ, что иное можно видѣть, какъ не упраздненіе или и разрушеніе у нихъ евангелія? Чѣмъ отличается начертанное внутри отъ изображаемаго совнѣ, когда одна и таже мысль и содержаніе созерцается и тамъ и здѣсь? Поэтому, если досточтимо одно, то должно быть досточтимымъ и другое, иначе необходимо уничтожать то и другое. Вотъ мы видимъ многія изъ этихъ честныхъ книгъ, приготовленныхъ, какъ засвидѣтельствовано, трудами древнѣйшихъ благочестивыхъ и боголюбивыхъ мужей,—которыя, будучи раскрыты, представляютъ намъ уроки священной исторіи отчасти чрезъ каллиграфическое искусство, а отчасти показываютъ тѣже дѣянія при помощи искусства живописанія. И то не имѣетъ значенія больше, чѣмъ это, ибо рѣчь одна въ обоихъ и оба научаютъ

и приводятъ въ память спасительное домостроительство Бога Слова. Что слово возглашаетъ чрезъ прочтеніе написаннаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣніе показываетъ посредствомъ изображенія повѣствованій. Отсюда, если кто отвергаетъ часть, то онъ долженъ отвергнуть и цѣлое, ибо цѣлое состоитъ изъ частей. Если что здѣсь смущаетъ неразумныхъ и можетъ колебать ихъ слабую мысль, то пусть ихъ соблазняетъ уже и то, что одно начертывается болѣе тонкими письменами и красками (т. е. буквами), а другое изображается болѣе густыми чертами съ раскрашенными фигурами,—и по самому матеріалу они оказываются весьма различающимися между собою.

62. Если разсмотрѣть это еще внимательнѣе, то окажется, что нарисованное имѣетъ преимущество предъ написаннымъ, потому что это привлекаетъ къ себѣ одинъ слухъ, а то—и зрѣніе. И хотя и этимъ скоро, но тѣмъ еще скорѣе доставляется познаніе предмета, поскольку зрѣніе быстрѣе и убѣдительнѣе слуха, потому что то, что мы видимъ, предшествуетъ тому, что мы слышимъ. Изъ того, чему мы научаемся чрезъ слухъ, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе забвенія, многое утрачивается и темнѣетъ; предметы же, воспріятыя зрѣніемъ, напечатлѣваются въ душѣ прочнѣе и чрезъ воспріятіе чувствъ передаются чувствительнымъ сторонамъ нашей души. Кромѣ того нарисованное преимуществуетъ предъ написаннымъ потому, что, руководя мудрыхъ и простыхъ, приноситъ одинаковую пользу всѣмъ, — и поселянинъ-ли или горожанинъ получаетъ одинаковую пользу,—а также потому, что скорѣе приводитъ къ таинству сошествія человѣколюбиваго Спасителя нашего. Часто чтеніе не имѣетъ значенія для простеца, потому что онъ лишенъ образованія и не знаетъ грамоты. И какъ

при слушаніи слова значеніе возглашаемаго не ограничивается слухомъ, ибо смыслъ говоримаго переносится на вещи, такъ и созерцаемая на изображеніяхъ исторіи не останавливаются на одной только зрительной способности глазъ, но созерцаніе видимыхъ (образовъ) тотъ часъ же переводитъ или возводитъ умъ зрителя къ высшему и главнѣйшему, не позволяя священному дѣйствию останавливаться на символахъ, но отъ этого чувственнаго, близкаго намъ и обычнаго увлекая или вознося къ духовному и къ тому, что ими обозначается. Посему, созерцая какъ бы самыя (обозначаемыя образами) предметы, каждый увлекается ими, оказывается благодаря символамъ какъ бы въ присутствіи ихъ, охватывается стремленіемъ къ добру, наполняется одушевленіемъ, возбуждаетъ душу и считаетъ себя находящимся въ лучшемъ, чѣмъ прежде, настроеніи и состояніи.

63. Итакъ, искусство это въ вспомошествованіе евангельскому ученію изначала было предано послѣдователями этой религіи и вѣры, т. е. христіанами. Божественный промысль и благодать устроили такъ, чтобы одно подкрѣпляло другое, ибо они связаны между собою и, какъ происходящія изъ одного и того же начала, взаимно сообщаютъ другъ другу помощь и пользу. Но евангельское ученіе оказалось совершенно бесполезнымъ для этихъ безумцевъ, ибо иначе они явили бы плодъ послушанія и разумѣнія. И такъ какъ ученіе упало только въ ихъ уши и, пробывъ тамъ немного, разсѣялось вмѣстѣ съ движеніемъ воздуха, то оно не вошло и не проникло въ глубину сердца, не отпечатлѣлось на скрижаляхъ мысли. Итакъ, напрасно они признаютъ и говорятъ отъ евангелія. Являясь скорѣе отрицателями евангельскихъ догматовъ, они не избѣгутъ слѣдуемаго

за это осужденія. Всюду они оказываются нарушителями евангелія. А что можетъ быть нечестивѣе и безбожнѣе этого? Поступая такъ, они выказываютъ себя страдающими ненавистью ко Христу и святымъ, ибо подняли противъ нихъ жестокою и непримиримую брань. Это признаетъ каждый, желающій немного размыслить. Они негодуютъ и выходятъ изъ себя даже при одномъ только воспоминаніи, что они видѣли ихъ начертаніе и образъ, такъ какъ знаютъ, что воздаваемое имъ (почтеніе) относится къ изображаемому, ибо мысль созерцающихъ направляется къ тому, что начертано. Они не гнушались бы иконъ и не ниспровергали бы ихъ, если бы не враждовали противъ первообразовъ и не завидовали той пользѣ, которую они приносятъ почитающимъ ихъ. Они борются изо всѣхъ силъ, двигая по пословицѣ всякій камень, и измышляютъ всякія средства, чтобы уничтожить ее, такъ какъ по истинѣ тяжело видѣть имъ Христа на иконѣ. Безъ сомнѣнія тяжело имѣть предъ глазами и созерцать то, что разъ возненавидѣли, и вызывать въ памяти то, что оно являетъ. Отсюда упорное устраненіе того, что причиняетъ печаль.

И рѣчи ихъ едва не возглашаютъ громко слѣдующее: *уловимъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть, и противится дѣломъ нашимъ, и поноситъ намъ грѣхи закона, и злословитъ намъ грѣхи ученія нашего: возвѣщаетъ намъ разумъ имѣти Божій, и отрока Господня себе именуетъ: бысть намъ на обличеніе помысленій нашихъ: тяжекъ есть намъ и къ видѣнію, яко неподобно имымъ житіе его, и отмынны стези его: въ поруганіе вмѣнихомся ему, и удаляется отъ путей нашихъ яко отъ нечистотъ: блажитъ послѣдняя праведныхъ, и славитъ отца имѣти Бога. Увидимъ, аще слова его истина, и искусимъ еже сбудутся ему. Аще бо есть истинный*

Сынъ Божій, защититъ его, и избавитъ отъ руки противящихся: досажденіемъ и мукою истязимъ его, да увѣмы кротость его, и искусимъ беззлобство его. Смертію поносною осудимъ его, будетъ бо ему разсмотрѣніе отъ словесъ его. Сія помыслиша и прельстишася: ослѣпи бо ихъ злоба ихъ, и не увѣдѣша таинъ Божіихъ, ниже мзды уповаша преподобія, ниже присудиша чести душамъ преподобнымъ. Яко Богъ созда чловѣка въ неистлѣніе, и въ образъ подобія своего сотвори его (Прем. Сол. 2, 12—23). Такъ говорятъ нѣкоторые послѣдователи новаго язычества, поревновавши беззаконію древнихъ Іудеевъ, состязаясь съ ними въ причиненіи жестокой и тягостной обиды Праведнику, наполняя ненавистью къ Нему душу свою и выказывая себя на дѣлѣ истинными Іудеями. И такъ какъ святъ и праведенъ Господь, то ближе къ истинѣ будетъ сказать, что слова тѣ съ правомъ могутъ быть относимы ко Христу и не могутъ быть понимаемы иначе, ибо Онъ есть, какъ написано, основаніе праведныхъ, глава и начатокъ всего праваго, источникъ всякой правды и податель всякаго освященія, *иже бысть намъ отъ Бога Отца правда, и освященіе, и избавленіе (1 Кор. 1, 30).*

Такъ проникательно и вѣрно предвозвѣстилъ одинъ изъ древнихъ мудрецовъ, прозорливѣйшій, одаренный свыше способностію разумѣнія и мудрствованія, предвидѣвъ ихъ вражду и неистовство противъ Господа нашего и Бога и обнаживъ ихъ крайнюю злобу. И чего не думали сдѣлать эти несчастные, усвоившіе настроеніе суеты и злобы, презрѣвши и забывшіе страхъ Божій и вѣру въ Бога? Такимъ образомъ изъ настоящаго становится яснымъ, что если бы имъ случилось жить въ то время, когда Христось, вочловѣчившись, обращался съ людьми, то они допустили бы въ отношеніи къ Нему болѣе страшное и

гнутое, чѣмъ тогдашніе Іудеи. Но такъ какъ теперешнее время не позволяетъ такъ поступать съ Нимъ, то нынѣ они изливаютъ свой гнѣвъ и ярость противъ Его образа, надъ которымъ и проявляютъ свои безчинства и неистовства. Мнѣ кажется, что они дерзко вопіютъ: „если бы мы возвратили времена отцовъ, то мы пополнили бы то, что они опустили, мужественно выказывая нашу храбрость и настойчивость въ преслѣдованіи Праведника и обличая тѣмъ ихъ слабость и вялость; мы подвергли бы Его болѣе суровымъ истязаніямъ и поношеніямъ, такъ что посрамили бы бездѣйствіе ихъ и обвинили бы ихъ въ нерадѣніи за то, что они совсѣмъ ничего или мало съ Нимъ сдѣлали. Посему благовременно, чтобы бичуемый и поносимый сказалъ имъ: *сынове есте избвишихъ пророки: и вы исполните мѣру отецъ вашихъ* (Матѣ. 23, 31—32).

64. Мы слышимъ, какъ они, страдая ненавистью ко Христу, говорятъ: „тяжело намъ видѣть Христа на иконѣ“. Кому уподобить ихъ? Говорятъ, что пантеры питаютъ природную ярость къ человѣку и обычно бросаются преимущественно на глаза людей. Поэтому забавляющіеся яростію звѣря показываютъ ему на бумагѣ изображеніе человѣка, и звѣрь съ страшнымъ бѣшенствомъ разрываетъ бумагу, какъ человѣка, и тѣмъ выказываетъ свою ненависть къ нему. Такъ и эти свою ненависть ко Христу выказываютъ на иконѣ Христа. И такъ какъ они не въ силахъ коснуться Его тѣлесно за Его отсутствіемъ, то изъ ненависти къ Нему они подобно пантерѣ бросаются на икону Его, терзая и разрушая ее. Такимъ образомъ бѣснованіе ихъ противъ изображеній Его показываетъ, что они богоборцы и подняли брань противъ Христа. Вѣдь они до такой степени презираютъ и уничтожа-

ютъ все Христово и христіанское — обычаи, законы, таинства и древнее христіанское преданіе, отмѣченное давностію и поэтому чтимое людьми благомыслящими. И кто изъ людей благочестивыхъ, боголюбивыхъ и воспитанныхъ въ православной вѣрѣ не прослезится и не восплачетъ при видѣ святыхъ храмовъ и алтарей, поругаемыхъ и полуразрушенныхъ, лишенныхъ украшеній,—тѣхъ алтарей, которые безчестятъ, и низвергаютъ, оскверняютъ мерзкими руками и гнусно поносятъ богоборными языками. И какъ если бы кто увидалъ срѣзанные лепестки прекрасныхъ цвѣтовъ на прекрасной зелени цвѣтущей травы,—или скошенные жателами разнообразныя по окраскѣ и формѣ цвѣты, обильно растущіе въ цвѣтущемъ саду: такъ и здѣсь онъ узритъ уничтоженіе вмѣстѣ съ украшеніемъ и памяти и почтенія, „ибо не можетъ быть и рѣчи о храмѣ, котораго не украшаетъ изображеніе“, сказалъ одинъ изъ древнихъ и боголюбивыхъ мужей (Исидоръ Пелусіотъ. Письма. Кн. IV, 73). Отсюда не безъ основанія можно сказать, что это слово считаетъ изображенія такую же принадлежностію священныхъ храмовъ, какъ жертвы, молитвы и все, въ нихъ совершаемое. Но никто другой не предаетъ ихъ проклятію лучше священнопѣвца, который говоритъ: *Господи во градѣ твоємъ* (разумѣя вышній Іерусалимъ) *образъ ихъ* (т. е. память о нихъ) *уничтожиши* (Пс. 72, 20), какъ и они тщатся изгладить образъ Твой и память изъ Твоихъ храмовъ и Твоей Церкви. Пусть онъ также воспоетъ, оплакивая теперешнее наше бѣдствіе: *Боже, не языцы придоша въ достояніе Твое*, но люди болѣе жестокіе и враждебныя, чѣмъ язычники, которые тщатся превзойти ихъ въ злодѣйствѣ противъ святыхъ Твоихъ. Нося священническую одежду, но скрывая волка подъ овчей

шкурой, они осквернили храмъ Твой святой и алтари Твои, Господи силъ, наполнили безчиніемъ и безчестіемъ.

65. Но посмотримъ, если угодно, какое есть у нихъ основаніе для этого и какова причина того, что они дошли до такого беззаконія и безбожія. Они говорятъ, что поклонялись чуждымъ богамъ, осуждая тѣмъ самымъ свое идолопоклонство. Такимъ образомъ они какъ бы отрекаются отъ прежняго и выдаютъ себя за людей, признающихся въ ошибкѣ касательно того, что они прежде худо дѣлали. Думая отстранить отъ себя позоръ и заблужденіе, они держатъ утверждать то, чего не могли бы утверждать и безумные, а именно, что такимъ путемъ они спасаютъ славу и честь священныхъ храмовъ, какъ бы уничтожая идоловъ и изглаждая и очищая въ нихъ позоръ. На самомъ же дѣлѣ они врачуютъ болѣзнь болѣзнію и впадаютъ въ большую, чѣмъ прежде, пропасть зла. И какъ каждый грѣшникъ готовъ извинять себя, такъ и всякій безбожникъ скоръ на оправданіе. Принимая видъ благочестія, обнажаютъ они однако лице нечестія, выступая противъ священной вѣры нашей. Они стараются укрыться отъ многихъ тѣмъ, что какъ будто отвергаютъ вредное мнѣніе, не зная, что этимъ подвергаютъ себя болѣе тяжелому и суровому осужденію. Можетъ быть скажетъ кто-либо изъ болѣе умѣренныхъ у нихъ въ нечестіи, придумывая подходящее и благовидное оправданіе: „мы стараемся изгнать употребленіе иконъ съ тою цѣлью, чтобы нѣкоторые изъ людей простыхъ и необразованныхъ, не зная должнаго, по своему невѣжеству не стали считать ихъ за боговъ, блуждая около одной бездушнoй матеріи, на ней останавливая свой умъ и не представляя ничего сверхъ видимаго“. На это.

защитники правой вѣры могутъ отвѣтить: „если бы ты велъ себя честно и хранилъ святыни въ неприкосновенности, твоя рѣчь представляла бы нѣкоторую убѣдительность, ибо надлежитъ учить и руководить невѣдущихъ, дабы они воздавали должное почтеніе и не выходили изъ предѣловъ подобающаго почитанія. Но ничего такого тобою не сдѣлано. Вѣдь если ты видѣлъ, что иконы почитаются не какъ слѣдуетъ, то тебѣ подлежало бы заставлятъ почитать ихъ, какъ подобаешь. Въ самомъ дѣлѣ, не справедливо, надо съ этимъ согласиться, изъ за того, что невѣжды недостойно приступаютъ къ святынямъ, безчестить послѣднія, какъ нельзя изъ за того, что нѣкоторые неправо обоготворяютъ небо и то, что подъ небомъ, противопоставляя Творцу тварь, безчестить творенія Божіи. А ты безстыдно презираешь, сокрушаешь, разрушаешь и попираешь ногами святыни. И развѣ ты не сожигаешь душу свою, предавая ихъ огню? Развѣ не опаляешь и не расплавляешь свой умъ? Развѣ не впадаешь въ безуміе, простирая нечестиво руки свои на алтарь? Отсюда становится яснымъ, что ты самъ идешь на себя и какъ пѣсь опять возвращаешься на свою блевотину безбожія. Таково ихъ нечестіе и неразуміе.

66. Между тѣмъ слово истины подобно свѣту сіяетъ для людей разумныхъ; и честныя изображенія, которыми поддерживается памятованіе святыхъ, священны, преполезны для почитающихъ святыни и исполняютъ ихъ благодати подобно тому, какъ и нечистое наполняетъ нечистыхъ скверною, ибо дѣйствіе того и другого одинаково. Итакъ, иконы вызываютъ почтеніе къ священнымъ храмамъ, а не исполняютъ ихъ скверны, согласно возвышенной и божественной философіи одного изъ нашихъ отцовъ

богослововъ. Но до какого беззаконія и неразумія доходятъ ихъ рѣчи и дѣянія, сдѣлаемъ это очевиднымъ и изъ слѣдующаго. Прежде всего укажемъ на то, чего и они, какъ думаю, не станутъ отрицать, если сердцемъ и умомъ еще не совсѣмъ удалились отъ истины. Разумѣемъ именно то, что Моисеевъ законъ данъ былъ людямъ отъ Бога, какъ бы нѣкое промежуточное средостѣнне ограды, раздѣляя и отдѣляя ихъ отъ всѣхъ (народовъ), разсѣянныхъ и далеко отстоявшихъ отъ нихъ, удерживалъ ихъ отъ всего злого и пагубнаго, какъ и отъ скверны и суеты лжеименныхъ боговъ,—обращалъ и руководилъ къ лучшему и несравненно болѣе высокому и приводилъ къ познанію истиннаго Бога. На время онъ допускалъ для тогдашнихъ людей жертвы неразумныхъ животныхъ, вслѣдствіе слабости подзаконныхъ, ихъ постоянной склонности къ худому и соотвѣтственно древнему обычаю приносить въ жертву животныхъ, этимъ путемъ приводя ихъ къ повиновенію и послушанію, дабы постепенно приучаясь къ болѣе совершенному состоянію, они перешли къ жизни лучшей и благочестивой.

Но такъ какъ законъ ни въ чемъ не давалъ совершенства, напротивъ навлекалъ гнѣвъ ради прегрѣшеній, не вслѣдствіе тяжести узаконеній, а по худости согрѣшавшихъ (онъ былъ немощенъ, такъ какъ всѣ были подъ грѣхомъ, но онъ приводилъ къ познанію грѣха, чѣмъ изобличалась слабость природы и удобопреклонность ея ко злу), то онъ нуждался въ усовершенствующемъ и направляющемъ къ лучшему. Посему *немощное закона, въ немже немоществоваше, Богъ, Сына Своего пославъ, осуди грѣхъ, ибо мы оправданы во Христѣ вѣрою* (Римл. 8, 3). Это совершила благодать снисшедшаго на землю и жив-

шаго по плоти среди людей Слова. Черезъ это мы искуплены отъ грѣха, избавлены отъ всякаго діавольскаго заблужденія и лжи, освобождены отъ поклоненія твари вмѣсто Творца, научены поклоняться самому единому Богу всяческихъ и воздавать Ему подобающее почтеніе и служеніе. Итакъ, благодать Христова возобновила намъ совершенство и преуспѣяніе вѣры, восполнивъ недостатокъ закона. *Не приидохъ разорити законъ, но исполнити* (Мѣ. 5, 17), говоритъ Христось. И насколько усовершенное превосходитъ усовершенное, каждому безъ сомнѣнія ясно, потому что безъ всякаго прекословія меньшее благословляется большимъ (Евр. 7, 7), и то, что отличается достоинствомъ, выше того, что находится въ услуженіи, насколько творецъ выше творенія, или строитель выше строенія и горшечникъ—глины, *яко законъ Моисеевъ данъ бысть, благодать же и истина Иисусъ Христомъ бысть*, Который содѣлалъ изъ насъ чадъ, не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужскія, но отъ Бога Духомъ рожденныхъ, какъ зываетъ великій гласъ истины Іоаннъ (Іоан. 1, 17. 13).

67. Къ чему же говоримъ это?—Къ тому, что если законъ святъ и заповѣдь свята, по Павлову божественному изреченію (Рим. 7, 12), и они оказываются гораздо несовершеннѣе благодати, то какъ велика эта благодать! И если законъ выше идолослуженія, то какъ благодать, высшая закона, можетъ возвратиться къ идолопоклонству? Какимъ образомъ получившіе въ свою власть благодать сыноположенія могутъ подлежать обвиненію въ идолопоклонствѣ? Безумцы не восхотѣли уразумѣть этой благодати. Мнѣ кажется, они дѣлаютъ нѣчто подобное тому, какъ если бы кто-либо, разсуждая о міровыхъ стихіяхъ, призналъ за истину, что огонь и вода суть край-